

UNITED WISDOM

Дом после эмиграции: как настоящее перестаёт быть залом ожидания

Отношения и близость

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

R-22-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Дом после эмиграции: как настоящее перестаёт быть залом ожидания

Эпиграф

> *И всё же здесь я запинаюсь.*

Mary Antin, *The Promised Land*, глава IX: автор описывает затруднение ретроспективного рассказа о первых шагах в Америке. Короткая фраза, собственный перевод редакции United Wisdom. Текст.

О чём эта статья

Чемоданы разобраны, адрес известен, ключ подходит к двери. Но вечером человек всё ещё произносит слово домой, имея в виду другую страну. Новая квартира остаётся удобным местом ночёвки, а жизнь будто начинается за пределами этого адреса: когда станет понятен срок пребывания, когда приедут близкие, когда появится работа по специальности. Иногда ожидание оправданно. Иногда оно постепенно забирает возможность жить в том месте, где уже проходят обычные дни.

Эта статья рассматривает дом после эмиграции как несколько разных отношений: к помещению, повседневному порядку, памяти, людям и доступному будущему. Она не предлагает полюбить новую страну по расписанию или объявить старый дом закрытой страницей. Её вопрос уже: какие части нынешней жизни можно сделать своими, даже если окончательное решение о месте ещё не принято? Такое различение позволяет увидеть и собственное участие, и реальные ограничения среды. Ни покупка вещей, ни знакомство с соседями, ни благодарность за возможность переехать не гарантируют чувства дома. Но отсутствие этого чувства тоже не означает, что человек неправильно распорядился своей жизнью.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Адрес, убежище и дом отвечают на разные вопросы

Адрес сообщает, где человека можно найти. Убежище позволяет укрыться и восстановить силы. Дом включает ещё возможность узнавать здесь собственную жизнь. Эти значения могут совпасть в одном месте, но после переезда нередко расходятся. Человек живёт по законному договору, спит в спокойной комнате и всё же не чувствует, что его день принадлежит ему. Другой начинает считать своим скромное временное жильё, хотя хорошо понимает, что скоро придётся его покинуть. Ни один случай не опровергает другой.

Представим Леру, недавно переехавшую в другую страну. В её квартире есть всё необходимое. Однако каждая свободная поверхность занята чужими декоративными предметами, мебель нельзя переставлять, а рабочие звонки приходится вести из кухни, где постоянно кто-то проходит. Снаружи это вполне устроенный быт. Изнутри у Леры почти нет места для действия, которое она выбирает сама. Недовольство здесь не обязательно означает неблагодарность или тоску исключительно по родине. Возможно, сначала требуется небольшой участок управляемого пространства: стол, полка, понятное время тишины.

У другого человека напряжение связано с обратным: вещей достаточно, но после работы некуда направить внимание. Он узнаёт свою комнату, однако не узнаёт город за дверью. Тогда дополнительная лампа может улучшить освещение и остаться хорошей покупкой, не решая вопроса об участии в жизни места. Важно не требовать от предмета выполнения всех задач сразу. Домашняя обстановка, знание района и отношения с людьми образуют разные возможности, даже когда в повседневной речи называются одним словом.

Это различение имеет и предел. Если помещение опасно, недоступно по цене или его можно потерять без понятного предупреждения, разговор о внутреннем принятии не устраняет проблему. Здесь требуется действительная опора в условиях жизни, а не более красивое описание тех же условий. Статья не устанавливает жилищных прав или безопасного порядка для каждой страны. Она предлагает сначала назвать, о чём идёт речь: о помещении, возможности оставаться, удобстве действия или переживании принадлежности. Тогда хотя бы предмет затруднения перестаёт растворяться в общем признании, что нигде нет дома.

II. Временность не делает нынешний день ненастоящим

Неуверенность в будущем часто влияет на самое небольшое решение. Лера не покупает удобную подушку, не записывается на занятие рядом и не распаковывает книги: возможно, через полгода всё снова изменится. Каждое отдельное решение понятно. Но вместе они создают порядок, в котором нынешнее место получает только расходы и обязанности, а удовольствие и участие отложены до окончательной ясности. Временная жизнь оказывается не короткой жизнью, а жизнью с ограниченным правом быть прожитой.

Полезно отличать крупное обязательство от обратимого улучшения. Покупка квартиры, длительный договор и выбор школы на несколько лет имеют последствия, которые нельзя свести к бытовому эксперименту. Чашка, подходящий маршрут прогулки или перестановка разрешённых вещей относятся к другому масштабу. Они могут оказаться полезны в течение нескольких недель и не обязаны оправдываться вечным проживанием. Это не рекомендация тратить больше денег. Иногда небольшое улучшение состоит именно в отмене неудобного порядка, который никто не требовал сохранять.

В Иеремии 29, стихи 1–14 устройство жизни в изгнании соседствует с надеждой на возвращение. Это письмо пленникам Вавилона в богословском контексте, а не инструкция любому современному эмигранту. Для сравнения важно, что обустройство настоящего не требует отменить будущее возвращение. Из текста нельзя вывести обязанность принять притеснение, вступить в брак или считать любой принимающий порядок справедливым.

Лера может оставить неопределённым ответ на вопрос, где будет жить через год, и всё же решить, как отдыхать в ближайшую субботу. Такая отдельность решений не всегда даётся легко: хочется, чтобы каждый выбор подтверждал единую историю переезда. Но небольшой удобный день не обязан голосовать за вечное переселение. Если позднее она уедет, время, проведённое здесь с вниманием к собственным потребностям, не станет ошибкой. А если останется, сегодняшняя забота не окажется тайным обещанием никогда не передумать. Настоящее заслуживает соразмерного участия при обоих исходах.

III. Новый дом не должен сдавать экзамен старому

Сравнение возникает само: здесь другой хлеб, другой свет, другое расстояние до воды. Оно помогает заметить предпочтения, пока не превращается в испытание, которое новое место заранее не способно пройти. Старый двор сравнивается не только с нынешней улицей, но и со временем, людьми и собственной прежней ролью. В этой паре один адрес получает многолетнюю историю, другой — несколько первых недель. Разница реальна, но сравнение не всегда сообщает, что именно в новом месте можно изменить.

В главе IX мемуаров Mary Antin новый бостонский адрес описан через собственный взгляд прибывшей девочки, расходящийся с внешней оценкой квартала. Это личное ретроспективное свидетельство. Оно не доказывает, что бедность преодолевается правильным отношением. Смысл ограниченного сопоставления в другом: описание жилья и значение жилья для конкретного человека не совпадают автоматически. Исторические уничижительные характеристики населения, встречающиеся рядом, здесь не принимаются.

Представим, что Лера ищет точную копию прежнего воскресенья. Там были определённая выпечка, прогулка с сестрой и медленная дорога через знакомый парк. Она может найти похожую выпечку, но сестра останется далеко. Разочарование после покупки будет настоящим, однако не обязательно относится к качеству пекарни. Если отделить вкусовую привычку от отсутствующего человека, появляются два разных действия: выбрать приятную местную еду и сохранить подходящий разговор с сестрой. Ни одно не восполняет всё прошлое, но оба могут иметь собственную ценность.

Есть и обратная опасность: объявить любое сравнение помехой адаптации. Тогда человек должен молчать о том, что ему дорого, чтобы доказать открытость новому. Это тоже экзамен, только с другой стороны. Память позволяет переносить предпочтения и связи между местами; ей не обязательно управлять каждым нынешним выбором. Старый дом может оставаться любимым, а новый — постепенно получать детали, не требующие сходства. Хороший вопрос звучит конкретно: какую возможность я ищу сейчас? Если ответом оказывается прежний человек или невозвратимое время, новое помещение не стоит обвинять в том, что оно не умеет их вернуть.

IV. Чувство дома имеет материальные условия

Разговор об обустройстве легко становится моральным советом проявить инициативу. Но два человека с одинаковым желанием могут иметь разный доступ к месту и времени. Один вправе менять комнату и планировать месяц, другой ожидает очередного перемещения. Один свободен после работы, другой совмещает смены и уход за ребёнком. Небольшое действие, доступное первому, может быть дорогим или невозможным для второго. Поэтому отсутствие узнаваемого домашнего порядка не следует автоматически объяснять нежеланием участвовать.

В исследовании Leyla Kerlaff, опубликованном в 2023 году, рассмотрены интервью с тринадцатью недавно воссоединёнными семьями беженцев в Глазго и Бирмингеме. Условия жилья и местные отношения участвовали в их описаниях принадлежности. Это качественное исследование конкретной группы, не прогноз для всех эмигрантов. Дистанционные интервью и присутствие родственников могли ограничить откровенность. Оно не проверяло предлагаемый здесь способ обустройства.

В условной ситуации Лере предлагают больше общаться с соседями, хотя главная трудность состоит в том, что она не может позволить себе стабильную комнату. Совет обращается к доступной на словах активности и оставляет действительный предел за кадром. Можно признать значение знакомств, одновременно признать, что им не поручена задача заменить жильё. Такой ответ не обесценивает личное участие. Он возвращает участию масштаб: что человек способен сделать при существующих условиях, а что зависит от иных решений и ресурсов.

Иногда материальная опора уже есть, но человек продолжает жить так, будто любое изменение запрещено. Тогда проверка условий тоже полезна: действительно ли нельзя повесить фотографию, или это собственное ожидание? Можно ли пользоваться общим двором, или человек просто не знает порядка? Ответы бывают разными. Неопределённость не разрешает предположить ни всеобщую свободу, ни всеобщий запрет. Дом возникает в конкретной среде, которая допускает одни действия и ограничивает другие. Различить реальный предел и непрочитанное условие иногда значит найти небольшую возможность без обвинения себе и без выдумывания несуществующих прав.

V. Повторяемый быт создаёт узнаваемость без обещания счастья

Большие символы переезда заметнее небольших повторений: первый праздник, новый документ, фотография на фоне города. Между тем обычный день состоит из действий, которые приходится выполнять снова. В условном примере Лера каждое утро ищет зарядное устройство, вспоминает, где лежит карта транспорта, и выбирает завтрак с нуля. Эти мелочи не объясняют всего переживания эмиграции. Но именно здесь можно обнаружить часть ненужной работы, которую временный быт постоянно возвращает.

Узнаваемость не означает жёсткое расписание. Можно иметь понятное место для нужных вещей и сохранять свободу менять день. Если Лера собирает небольшую полку у двери, она не принимает обязательство всегда выходить в одно время. Она лишь переносит одно решение из ежедневного поиска в устойчивое устройство пространства. Такая перемена проверяется по действию: стало ли проще выйти, меньше ли приходится просить других освободить проход? Ей не нужна немедленная оценка всего эмоционального состояния.

Повторение может быть и чужим требованием. В общем жилье ужин всегда происходит поздно, а отказ воспринимается как отсутствие уважения. Для Леры этот порядок неудобен, хотя другим подходит. Тогда создание домашней привычки включает обсуждение совместимости, а не только собственную дисциплину. Возможно, удастся

сохранить отдельный ужин и участвовать в общей встрече иногда. Возможно, доступного компромисса нет. Сам факт повторяемости не делает порядок подходящим; важны его последствия и согласие тех, кто должен в нём участвовать.

У такой работы есть скромный результат. Вечер может стать понятнее, а тоска всё равно сохранится. Это не обязательно означает, что усилие было напрасным. Удобный быт и пережитая утрата имеют разные предметы. Не нужно превращать каждую полку в средство от одиночества, а каждую удачную неделю — в доказательство окончательной адаптации. Можно оценивать небольшое изменение по той задаче, ради которой оно сделано. Тогда порядок поддерживает жизнь, а не становится новым отчётом о том, насколько успешно человек обязан чувствовать себя в другой стране.

VI. Перенесённая вещь может поддерживать память или останавливать время

Предмет из прежнего дома иногда помогает соединить периоды жизни. Знакомая чашка, книга с заметками, фотография двора не требуют сложного перевода. Их значение зависит от того, что человек с ними делает сейчас. Одна и та же вещь может быть удобной частью нового дня, бережным знаком памяти или экспонатом, к которому страшно прикоснуться, чтобы не признать перемену. Не существует списка правильных вещей, который заранее различает эти роли.

Представим, что Лера привезла скатерть из семейного дома. Сначала она хранит её в упаковке, ожидая случая, достойного прежних праздничных ужинов. Потом замечает, что ни одна новая встреча не кажется достаточно настоящей. Можно сохранить скатерть как памятную вещь и пользоваться другой. Можно постелить её в обычный вечер. Но решение не стоит принимать только ради доказательства, что прошлое отпущено. Вопрос проще: какой способ обращения соответствует её нынешнему отношению к памяти и не создаёт обязанности для других участников?

Вещи не обладают одинаковым значением для всей семьи. Для партнёра Леры скатерть напоминает приятные встречи, для неё — ещё и труд, который всегда выполняла мать. Если один человек называет предмет общим наследием, это не отменяет другой опыт. Новый дом позволяет обсуждать эти различия, но не обязан разрешить их раз и навсегда. Иногда достаточно уточнить, когда вещь используется и кто за ней ухаживает. Так память получает место, не превращаясь в бессрочный договор о воспроизведении старого уклада.

Есть предел и у идеи сохранить всё через предметы. Перевозка, хранение и уход требуют ресурсов; часть вещей может остаться недоступной. Отсутствие семейной мебели не доказывает отсутствия верности семье. Можно помнить без физического

архива, а можно сохранять архив и всё же не чувствовать близости. Эти возможности стоит различать, особенно когда переезд произошёл быстро или против желания. Дом после эмиграции не должен становиться музейной реконструкцией, на которую у человека нет ни денег, ни сил, ни свободного выбора. Память остаётся отношением, даже если её носитель изменился.

VII. Местный маршрут не обязан начинаться с любви к стране

Человеку предлагают изучать новую культуру, будто знакомство с местом непременно должно завершиться восторгом. Но повседневная связь может начинаться с более узкого действия. Лера узнаёт, где безопаснее перейти дорогу, когда открыт небольшой магазин и где можно спокойно посидеть после работы. Эти знания не составляют полного культурного понимания. Они делают её собственный день менее зависимым от постоянного объяснения и позволяют различать район вместо оценки всей страны одним впечатлением.

Прогулка тоже имеет условия. Маршрут, удобный днём, может не подходить вечером; доступное место может требовать денег или времени, которых сейчас нет. Поэтому предложение просто чаще выходить не отвечает всем ситуациям. Лера может начать с одного необходимого пути и выяснить, есть ли вариант, который меньше утомляет или даёт возможность остановиться. Такая проба касается конкретного дня. Она не доказывает, что новое место стало близким, и не требует игнорировать обстоятельства, при которых выход неуместен.

Иногда знакомство с районом вызывает дополнительную тоску. Человек замечает красивую площадь и одновременно думает, кому хотел бы её показать. Новое впечатление не отменяет отсутствующего участника; оно может сделать отсутствие заметнее. Это не причина считать прогулку ошибкой. Можно признать два содержания одного момента: здесь есть что-то интересное, и рядом нет важного человека. Им не обязательно конкурировать за право быть правдой. Местная жизнь постепенно получает собственные подробности, не забирая у прежней жизни её значения.

Такой подход оставляет место для критического взгляда. Лера может знать район лучше и продолжать не любить некоторые его условия. Принадлежность не должна требовать полного одобрения. Но и любое неудобство не обязано определять весь город. Различить магазин, улицу, доступ к учреждению и разговор с конкретным человеком иногда полезнее, чем выносить приговор месту целиком. Это редакционное предложение о масштабе наблюдения, не измеренная техника адаптации. Его ценность проверяется по тому, помогает ли оно увидеть реальный доступный выбор, а не по обещанию изменить отношение к стране.

VIII. У членов семьи домашнее настоящее может наступать в разное время

Одна семья переезжает вместе, но каждый участник встречает другое место. У ребёнка есть школа и ежедневные знакомые лица, у одного взрослого — работа, у другого — ожидание документов и домашние обязанности. Поэтому общее решение о переезде не означает общего переживания нового дома. Условная Лера может ещё считать квартиру временной, тогда как её партнёр уже приглашает гостей и обсуждает следующий год. Разница не обязательно говорит, что один любит семью меньше или быстрее забыл прошлое.

Однако различные чувства затрагивают совместные действия. Если один хочет сохранить все коробки закрытыми, а другой нуждается в удобной комнате сейчас, вопрос нельзя решить только признанием их разных скоростей. Нужно обсудить конкретное пространство: что остаётся упакованным, чем можно пользоваться, какие затраты доступны, кому требуется место для работы или отдыха. Такое обсуждение не требует единого ответа на вопрос, является ли эта страна домом. Семья может согласовать быт раньше, чем выработает общую историю перемены.

Особенно важно не поручать ребёнку подтверждение взрослого выбора. Его интерес к школе не доказывает, что утраты родителей несущественны; его тоска не устанавливает, что переезд был ошибкой. Ребёнок может ценить новую дружбу и скучать по прежней комнате. Взрослые тоже сохраняют право на смешанный опыт. Если каждый рассказ немедленно становится аргументом за возвращение или против него, обычные чувства теряют место в разговоре. Можно сначала услышать, чего именно не хватает в конкретном дне, не превращая ответ в семейное голосование.

У общего дома есть и предел общей открытости. Участникам могут понадобиться отдельные вещи, разговоры и периоды тишины. Совместное проживание не даёт автоматического доступа ко всей внутренней жизни каждого. Дом становится более пригодным, когда в нём можно не только встречаться, но и расходиться без наказания за отсутствие постоянной общности. Это не универсальный семейный рецепт. Иногда условия слишком тесны или отношения небезопасны. Тогда право остановить разговор и сохранить собственные решения частными важнее требования доказать, что семья умеет вместе обустраивать новое начало.

IX. Возвращение может оставаться возможностью, а не единственным разрешением жить

Планы возвращения имеют разные роли. Это может быть конкретный срок, надежда, семейное обязательство или мысль, позволяющая выдерживать нынешний период. Их не следует автоматически называть избеганием. Иногда возвращение действительно доступно и желанно, иногда возможность только обсуждается. Полезно различить, какие решения уже приняты, какие условия ещё неизвестны и какие действия нужны независимо от будущего маршрута. Ежедневный отдых требуется человеку и тогда, когда переезд оказался временным.

Представим, что Лера говорит: через год вернусь. Партнёр слышит обязательство и не рассматривает местную работу, хотя сама Лера имеет в виду надежду при определённых обстоятельствах. Дом оказывается устроен вокруг несовпадающих смыслов одной фразы. Можно уточнить условность, не отменяя надежды: что должно произойти, чтобы возвращение стало реальным планом, когда будет следующий разговор, какие нынешние решения нельзя откладывать? Это не расчёт, способный устранить все неизвестные. Он лишь отделяет желание от совместно принятого обязательства.

Иногда прежнее место тоже изменилось. Люди разъехались, дом принадлежит другим, привычная работа больше недоступна. Тогда возвращение в страну и возвращение в прежнюю жизнь становятся разными задачами. Обнаружить эту разницу может быть больно, но она не обязывает отказаться от поездки. Человек вправе хотеть вернуться в изменившееся место. Важно не поручить будущему пересечению границы восстановление всего потерянного времени. Так же и решение остаться не должно обещать полное прекращение тоски. Оба маршрута имеют реальные последствия и пределы.

Можно поэтому сохранить план пересмотра, не объявляя нынешнюю жизнь условной до последней детали. На определённую дату приходится разговор о дальнейшем месте; на ближайший вечер — выбор удобного ужина. Эти решения связаны ресурсами, но не обязаны иметь одинаковую окончательность. Если возвращение перестанет быть возможным, потребуется новый разговор, а не обвинение человека в недостаточной верности первоначальному плану. Если станет возможным, сегодняшние домашние привычки можно взять с собой или оставить. Они поддерживали прожитый период и уже этим имели основание существовать.

X. Признак обустройства — больше различимых возможностей

В начале нашей условной истории Лера спрашивала, почему квартира всё ещё не ощущается домом. Теперь вопрос можно разложить на несколько проверяемых частей. Есть ли место, где она вправе располагать нужные вещи? Понятно ли, как выглядит обычный вечер? Может ли она пользоваться местным маршрутом без постоянной помощи? Остаётся ли место для памяти и для решения ещё не знать будущее? Ни одна положительная отметка не устанавливает завершённую адаптацию. Но каждая описывает реальную возможность вместо общего требования чувствовать иначе.

Результат бывает неодинаковым. Полка у двери освобождает утро, разговор о гостях остаётся трудным, а новость из прежнего города снова делает вечер тяжёлым. Это не обязательно возврат к исходной точке. Утреннее удобство сохранилось; переживание новости касается другой части жизни. В то же время не нужно объявлять любое малое улучшение успехом, если основная проблема не изменилась. Можно признать его узкий результат и оставить незакрытым вопрос о стабильности жилья, близких людях или будущем месте проживания.

Дом не обязан стать единственным местом, где человек чувствует себя своим. Часть принадлежности может оставаться в языке, работе, отношениях и памяти, которые соединяют разные страны. Эта статья не разбирает все формы такой принадлежности. Её более скромная задача — дать нынешнему адресу достаточно места в собственной жизни, не требуя от него заменить остальные. Если человек позже выбирает другое место, он не предаёт уже созданный порядок. Способность жить здесь и способность уехать отсюда могут быть совместимыми возможностями.

Возврат к вечерней двери поэтому не заканчивается обязательной красивой развязкой. Лера поворачивает тот же ключ. Возможно, она всё ещё думает о старом доме, но знает, где оставит сумку, как проведёт вечер и какое решение сегодня не обязана принимать. Нынешнее место получило несколько её действий, не получив всю её биографию в собственность. Для другого человека первым изменением станет признание, что условия пока не позволяют устроиться. Обе ясности заслуживают точного названия. Дом начинается не с выданного себе сертификата принадлежности, а с возможности различать, что уже поддерживает жизнь и чего ей действительно недостаёт.

Что это значит на практике

Можно выбрать один обычный момент дня, когда нынешнее жильё особенно ощущается чужим. Сначала описать происходящее без общего вывода об эмиграции: приходится искать вещь, нельзя остаться в тишине, трудно выйти, нечем заняться после работы. Затем различить реальное условие, неизвестный порядок и собственное отложенное решение. Если речь об опасности или отсутствии необходимого жилья, небольшая бытовая проба не заменяет соответствующей помощи. Статья не устанавливает доступный порядок её получения в конкретной стране.

Если подходящая возможность есть, можно выбрать одно обратимое действие в пределах своих ресурсов: выделить разрешённое место для нужных вещей, согласовать время пользования общим столом, пройти необходимый маршрут иначе. До действия назвать узкий ожидаемый результат. После него проверить именно этот результат, сохранив право на тоску и неопределённость. Если стало удобнее выходить утром, это подтверждает удобство данного устройства, а не любовь к новой стране. Если улучшения нет, можно вернуть прежний порядок или пересмотреть вопрос.

Наконец, полезно отделить ближайшее решение от большого будущего. Что требуется на этой неделе независимо от того, останусь ли я? Что действительно зависит от дальнейшего плана? Такой разговор с собой или согласными участниками не гарантирует ощущения дома. Он позволяет настоящему получить посильное участие, пока будущее остаётся открытым. При угрозе, принуждении или невозможности безопасно обсуждать совместный быт проба прекращается; отказ и частное решение не становятся признаком неправильной адаптации.

Ключевая цитата

> *Что здесь есть?*

Mary Antin, *The Promised Land*, глава IX: её вопрос при первом знакомстве с новым местом, до последующего анализа опыта. Короткий фрагмент, собственный перевод редакции United Wisdom. Текст.

Связи между традициями

Прочитанная опора	Связь с вопросом дома	Граница сравнения
Mary Antin, глава IX мемуаров	Личный взгляд придаёт адресу значение	Свидетельство одной жизни не является законом миграции
Leyla Kerlaff, исследование семей	Принадлежность рассматривается в реальных условиях места	Ограниченная качественная выборка не проверяет нашу практику
Иеремия 29:1–14, KJV	Настоящее устройство и будущее возвращение сосуществуют	Богословское письмо пленникам не предписывает современную семейную или политическую норму

Первоисточники

1. Mary Antin. *The Promised Land*. Houghton Mifflin, 1912. Прочитаны метаданные, введение и выбранный контекст главы IX; не заявлено чтение всех мемуаров. Project Gutenberg, 20885. Rights UNKNOWN; территориальная пометка хоста не означает универсального разрешения.

2. Leyla Kerlaff. *“Now we start to make it like home”: reunited refugee families negotiating integration and belonging*. Frontiers in Political Science 5, 1287035, 2023. Прочитаны abstract, методы, выбранные результаты, обсуждение, заключение и лицензия; не все цитируемые ею работы. Статья. CC BY; чужие изображения и вложенные цитаты не перепечатываются.

3. *Bible, King James Version*. Jeremiah 29:1–14. Прочитан указанный отрывок английской редакции; здесь ограниченное сопоставление без дословного воспроизведения. Wikisource. Rights UNKNOWN для конкретной используемой страницы и территории.

Теги

дом, эмиграция, переезд, жильё, настоящее, временность, память, обустройство, принадлежность, повседневность, адрес, убежище, возвращение, неопределённость, семья, пространство, вещи, привычки, район, маршрут, ресурсы, согласие, выбор, утрата, границы, личная история, Mary Antin, Leyla Kerlaff, Иеремия, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.